

RU

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника
и купца Калашникова» в историко-функциональном освещении

Мехтиев В. Г.

Аннотация. В статье исследуется «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» в фокусе ее оценки в истории русской критики и трудах отечественных филологов. Цель исследования – историко-литературные стратегии и литературоведческие описания текста на грани «мифа», сохранившие силу и обусловившие особенности трактовки «Песни...» в движении времени. Научная новизна заключается в том, что «Песня...» еще не изучалась в историко-функциональном аспекте; не становились предметом специального обсуждения и вопросы, связанные с многоголосием вокруг заглавного текста, жанра и идейной проблематики произведения. В результате научного исследования впервые выяснено, что в рецептивной модели «Песни...» прежде всего подвергалось «деформации» ее заглавие, что привело к пониманию образа Калашникова в качестве доминантного и к субъективным, порой даже мифологизированным его трактовкам. А это, в свою очередь, повлекло за собой «коррекцию» замысла автора; сформировалось спорное мнение о православных истоках «Песни...». В интерпретации текста определились противоположные научные подходы: 1) монологизация художественной формы и проблематики; 2) стремление к объективному описанию его архитектоники с учетом функции автора.

EN

“The Song about Tsar Ivan Vasilyevich, the Young Oprichnik,
and the Merchant Kalashnikov” in historical and functional light

V. G. Mekhtiyev

Abstract. The article examines “The Song about Tsar Ivan Vasilyevich, the Young Oprichnik, and the Merchant Kalashnikov” focusing on its evaluation within the history of Russian criticism and the works of Russian philologists. The research aims to identify the historical-literary strategies and literary descriptions of the text that border on “myth”, which have maintained their influence and shaped the specific interpretations of “The Song...” over time. The scientific novelty lies in the fact that “The Song...” has not yet been studied from a historical-functional perspective; furthermore, issues related to the polyphony surrounding the work’s title, genre, and ideological problems have not previously been the subject of specialized scholarly discussion. As a result of this research, it was established for the first time that within the reception model of “The Song...”, the title was primarily subjected to “deformation”, leading to an interpretation where the image of Kalashnikov became disproportionately dominant, resulting in subjective and often mythologized portrayals. This, in turn, led to a “correction” of the author’s original intent and the formation of controversial opinions regarding the Orthodox origins of the poem. The study identifies two opposing scholarly approaches to the interpretation of the text: 1) the monologization of its artistic form and themes, and 2) a drive toward an objective description of its architectonics while accounting for the author’s function.

Введение

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (далее – «Песня...») принадлежит к хрестоматийным произведениям русской литературы. Сразу после появления в печати в 1838 г. она у части читающей публики снискала известность национально-культурного символа с героем-богатырем, отстаивающим ценности в духе народных и православных традиций. Правда, в истории ее функционирования встречались трактовки, имевшие иное направление, но они, как правило, пребывали на периферии лермонтоведения. Актуальность работы заключается в том, что репутация «Песни...» как «хрестоматийной» и будто до конца понятой читателями разных исторических эпох отвлекала от вопросов ее сложного

и противоречивого осмысления в истории отечественного литературоведения. Проведенный анализ имеет важное значение для более точного определения места «Песни...» в творческой биографии Лермонтова; для уточнения ее жанрового своеобразия, особенностей поэтики и проблематики.

В исследовании решаются следующие задачи: 1) выявить механизмы рецепции «Песни...» в критике XIX века и осмыслить их происхождение; 2) изучить, с опорой на труды историков литературы конца XIX – начала XX в., эстетические и идеологические характеристики произведения; 3) уяснить на примере вершинных явлений лермонтоведения пересекающиеся, а также противоположные концепции «Песни...», выходящие за пределы ее стереотипного толкования.

Методы исследования включают: историко-литературный (историко-культурный) анализ, необходимый для исследования «Песни...» в истории русской литературной критики и историко-литературной науки; структурно-типологический метод позволяет анализировать контуры текста Лермонтова в критических разборах, ученых трудах о нем с возможностью их квалификации и соотнесения по сходству/несходству; историко-функциональный подход, в соответствии с которым «Песня...» Лермонтова изучается в движении времени через ее рецепцию профессиональной частью художественной интеллигенции – литературоведов, с тем, чтобы воссоздать картину изменений, связанную с заглавием, дефинициями жанра и толкованием ее проблематики.

Материалы исследования: «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», критические рефлексии XIX в. (В. Г. Белинский (1954) С. П. Шевырев (1841), С. О. Бурачок (1840) и др.), ее трактовки в трудах историков литературы рубежа XIX–XX вв. (С. А. Андреевский (2013), Овсянников Куликовский (1914)), в исследованиях ведущих отечественных лермонтоведов.

Теоретической базой служили, во-первых, историко- и теоретико-литературные исследования о словесном искусстве, где текст мыслится как высказывание-событие, встроенное в систему диалога; каждый раз он раскрывает «все новые смысловые возможности» (Бахтин, 1979, с. 158). В литературе находит выражение «язык» культуры, являясь органической частью семиотической системы культуры, она выполняет в ней функции, выходящие за границы эстетического (Лотман, 1992). Нередко рецепция и интерпретация литературы происходят на фоне господствующих идеологии и мировоззрения, благодаря чему она участвует в конструировании национальной идентичности; словесность зачастую формирует мифы и символы прошлого (Зорин, 2001, с. 148). Во-вторых, работы советских и постсоветских литературоведов, исследовавших «Песню...» в ее связях с различными жанрами, стилями фольклора: М. К. Азадовского (1941); М. П. Штокмара (1941); Б. М. Эйхенбаума (1961), который писал о «Песне...» в плане жанра и поэтики сюжета; В. Э. Вацура (2008), уделившего серьезное внимание вопросу о присутствии в этом произведении зрелой «авторской литературы» и сугубо авторской проблематики; С. Н. Дурылина (1944), Д. С. Максимова (1964) и др., предложивших устоявшиеся интерпретационные схемы в изучении текста Лермонтова.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при разработке курсов по истории русской литературы и критики, в составлении программ спецкурсов и спецсеминаров по творчеству Лермонтова.

Обсуждение и результаты

Диапазон интерпретаций «Песни...» в откликах критиков и биографов Лермонтова XIX в.

Вряд ли в русской литературе найдется произведение, подобное «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», снискавшее чрезмерно свободное обращение с его заглавием, жанром и проблематикой. Еще у первых ее читателей обнаружились сбивчивые оценки. В изучении текста установился «канон»; его называли не иначе как «Песня про купца Калашникова». Один из первых читателей Н. А. Бестужев придал заголовку текста сжатость, опустив, как ему казалось, избыточную семантику: «Недавно прочли мы в приложении к Инвалиду “Сказку о купеческом сыне Калашникове”. Это превосходная маленькая поэма <...> вот так должно передавать народность и ее историю!» (Цит. по: Лермонтов, 2014, с. 632). Была допущена вольность не только в отношении заглавия, но и жанра: «Песня...» и «сказка», и «маленькая поэма», верно отражающая идею народности в литературе.

Простительные для Бестужева неточности перекочевали в академические издания. По отношению к «Песне...» как равнозначные использовали термины «поэма», «историческая песня», «историческая поэма». В «Лермонтовской энциклопедии» (1981, с. 410–412) жанровые дефиниции «поэма» и «песня» чередуются в статье, посвященной этому произведению. Б. М. Эйхенбаум писал, что «Песня...» – это «героическая поэма, написанная народным языком и стихом» (1924, с. 61). Такая «путаница» указывает только на то, что произведение в чем-то продолжает оставаться «загадкой».

В. С. Межевич, сотрудник булгаринской «Пчелы», был среди тех, кто оперативно откликнулся на публикацию «Песни...». Каждый раз, обращаясь к ней, он давал или полное название: «Песня про царя Иоанна Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», или же сокращал его до первого слова: «Песня». Рецензент, по причинам понятным, не оставил сведений относительно жанра произведения, но дал линию взаимозаменяемых понятий: «стихотворение», «песня», «драма». Он высказал мысль, со временем «ускользнувшую» от внимания части лермонтоведов: «Каждое лицо <...> имеет свой живой образ, свой отдельный характер; каждое из них пластически рисуется в вашем воображении» (Межевич, 2013, с. 92). Тонкое наблюдение,

означающее, что персонажи, обрисованные в «Песне...», соизмеримы; выпячивание одного из них (а именно нечто аналогичное произошло в процессе функционирования «Песни...») чревато искажением ее смысла.

В. Г. Белинский (1954) в статье о стихотворениях Лермонтова сохранял без изменения заголовок текста, хотя несколько раз называл его «поэмой». Однако у критика, придававшего в ту пору немаловажное значение «субъективному элементу» в словесности, была своя точка зрения: в современной литературе он исключал возможность «поэзии объективной» «в смысле древних поэтов» (Белинский, 1954, с. 502). Лермонтова он относил к тем, кто созерцал действительность в «отношении к своей личности»; в «наше время», считал он, отсутствие «в поэте внутреннего (субъективного) элемента есть недостаток». Этим он объяснял свое «особенное внимание» к «субъективным стихотворениям» поэта, а не к «чисто художественным» (Белинский, 1954, с. 502).

Две грани поэзии Лермонтова («субъективный элемент» и «чистая художественность»), по мнению Белинского, соответствовали двум версиям народности. «Песня...» отличается от «безымянных и простодушных произведений» фольклора, составляющих единство с «духом народности», но это же единство заслоняло «в них саму же себя»; произведения фольклора не могли открыть простор для личностной точки зрения на изображенный мир. Он привносил в обсуждение «Песни...» детали, позволяющие рассматривать ее как «эксперимент»: «...наш поэт вошел в царство народности как ее полный властелин и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество» (курсив мой. – В. М.) (Белинский, 1954, с. 503).

В становление литературоведческого мифа о «Песне...» свою лепту привнес С. П. Шевырев (1841). Он отвел ей первое место среди созданий Лермонтова, намеренно сократив ее заглавие до: «Песнь про удалого купца Калашникова». Похвалил автора за «мастерское подражание эпическому стилю русских песен, известных под именем собирателя их Кирши Данилова». С восторгом отозвался об умении поэта «перенять все приемы русского песельника». Обладавший острым эстетическим чувством критик заметил: в «Песне...» попадаются стихи, которые «изменяют стилю народному». Это было косвенным признанием того, что в создании Лермонтова, пусть и подспудно, присутствует субъективно-авторское начало. «Песня ...» «не рабское», а «свободное подражание» (Шевырев, 1841, с. 528). Критик проигнорировал образ царя Ивана Васильевича. Славянофилы скептически относились к Ивану Грозному, вероятно, по этой причине они не приложили усилий, чтобы увидеть разницу между художественным образом, созданным Лермонтовым, и его исторической личностью. С. О. Бурачок (1840), последовательно и со рвением стоявший за славянофильство в его официальной версии и чья статья о Лермонтове появилась немногим раньше, ограничился тем, что дал заглавие текста в собственной версии: «Песня про царя Ивана Васильевича». «Песню...» и «Мцыри» он отметил как «две серьезные поэмы». В них Лермонтову удалось «вполне показать себя» как истинного поэта. При этом критика разочаровало стихотворение «Бородино» – в том смысле, что поэт «спрятался» за спиной неназванного «простого усаца», которому вряд ли доступен масштаб Отечественной войны 1812 г. (Бурачок, 1840, с. 149-151).

Критик из журнала «Сын отечества» не очень одобрительно отнесся к творчеству Лермонтова, но выделил «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», отметив в ней «чисто русские звуки», производящие «приятный эффект посреди европейских мелодий бейронизма» (Розен, 2013, с. 172). В. Т. Плаксин, преподаватель русской словесности в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, признавал в поэте «смелый сильный талант» и «творческую силу», но отдавал предпочтение произведениям вроде «Молитвы», «Бородино», «Мцыри», воспринятые в контрасте со стихотворением «Дума» и с романом «Герой нашего времени». В последних ему слышалось дыхание «холодного мира». Им два раза упоминается «Песня» – в одном случае заглавие текста приводится без сокращения, в другом же делается акцент на образе Калашникова: «Купец Калашников» (Плаксин, 2013).

Биограф Лермонтова П. А. Висковатов (1891, с. 151-168) упомянул «Песню...» в следующей последовательности: «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (2) – «Песня про Ив. Вас. Грозного и купца Калашникова» – «Песня про Ивана Грозного и купца Калашникова». В этих «искажениях» заглавного текста скорее ощущается небрежность, чем преднамеренность.

Особо следует сказать о Достоевском. Для него индикатором оценки Пушкина, Лермонтова, Некрасова служила их любовь «к народу русскому», как ее понимал писатель. Пушкин «признал народную правду как свою правду». Если бы «байронист» Лермонтов, «какой-то насмешливый, капризный и брюзгливый», «перестал возиться с больною личностью русского интеллигентного человека», то отыскал бы выход, как и Пушкин, «в преклонении перед народной правдой» (Достоевский, 1984, с. 113). Достоевский назвал «Песню...» «бессмертной». Но она, включенная в мир его собственного этического и художественного опыта, получила весьма своеобразное толкование, которое, говоря языком философии Канта, скорее тяготело к синтетическому суждению – в каком-то смысле Достоевский «додумывал» авторский замысел, дополнял его тем, чего в нем не было. Его мнение о Калашникове строилось на сравнении с «рабом» князя Курбского Шибановым: «Этот образ русского “раба”, должно быть, поразил душу Лермонтова». Достоевский высказался даже в авантюрном духе: «Вы не верите? Хотите, удивлю вас еще дальше? Итак, знайте, что и Калашников остался доволен этой милостью, а уж приговор о казни само собой считал справедливым. Этого нет у Лермонтова, но это так» (Достоевский, 1984, с. 113-119). Достоевский создал чуть ли не собственный миф, помышляя о создании предшественника.

Рецепции «Песни...» в русской философской критике и литературоведении первой половины XX в.

Критика и публицистика рубежа XIX-XX вв., за редким исключением, не заметила «Песню...». Встречается лишь беглое упоминание о ней в небольшой статье В. В. Розанова «М. Ю. Лермонтов (к 60-летию кончины)»:

«Лермонтов, когда хочет, может быть таким же натуралистом, как Гоголь. В “Бородине”, “Купце Калашникове”, “Люблю отчизну я...” он дает такие штрихи действительности...” (1989, с. 263-273). В этом он словно шел за Ап. Григорьевым, применявшим к «Песне...» чуть ли не эвфемизм: поэма о «Купце Калашникове» (1980, с. 250).

Лермонтоведение рубежа веков представляет иную картину. П. Н. Сакулин видел в «Песне...» «нарядную простоту старины» (1914, с. 50), при этом он приводил полное ее название. С. А. Андреевский (2013) и вовсе отбрасывал условности; в одном случае пользовался формулой «поэма о купце Калашникове», в другом же – «песня о купце Калашникове». Он видел в «Песне...» «мужественную крепость» в ее соединении с «грацией формы и силою чувства». Историк литературы считал, что Лермонтов благоволил к Кирибеевичу; поэт, дополнив образ едва уловимыми чертами, добился «симпатии читателя» к нему, то есть занял «сторону нарушителя законного и добронравного семейного счастья»; «скорбно воспел роковую силу страсти» (Андреевский, 2013, с. 367). Здесь заметно несогласие со славянофильской интерпретацией «Песни...». Впервые в истории рецепции произведения на роль протагониста был выдвинут Кирибеевич.

Д. Д. Овсяннико-Куликовский, вслед за Белинским, находил творчество Лермонтова «по преимуществу субъективным», хотя не отказывал ему в таланте «объективного характера», наличием чего «доказывается великолепной» «Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1914, с. 88). С. Н. Дурылин, один из серьезных исследователей Лермонтова по линии «религиозного литературоведения», верил, что поэт «подслушал великую религиозно-историческую правду о Московской Руси, которая “сквозит и тайно светит” сквозь каждое слово его поэмы» (1916, с. 116). В книге «Лермонтов» ученый дал варианты названия: «Песня про купца Калашникова», «Купец Калашников», «Песня», лишь один раз приведя целиком заглавный текст (Дурылин, 1944, с. 14, 38, 39, 47, 95).

С. Н. Дурылин (1916) писал о Лермонтове в панегирическом тоне. В «Песне...» он увидел попытку автора «проникнуть в дух, жизнь, быт древней Руси. Былинным складом написана “Песня”, и идет она словно из той же самой сокровенной глубины народного творчества, откуда вышли былины и песни, в которых русский народ выразил свои заветные, исторически сложившиеся думы о доблести и чести, о бестрепетном подвиге в жизни и в истории». Центральной фигурой «Песни...» для него является Степан Калашников, «с суровой простотой и гордой силой» совершающий «подвиг своей мести за поруганную честь жены». «Песня...» «не сочинена», «а записана поэтом с голоса народного сказителя, как записаны былины»; царь Иван Васильевич – «это тот самый царь, грозный в гневе, щедрый в милости, про которого поют народные исторические песни...». С. Н. Дурылин полностью устранил дистанцию между автором и отразившимся в фольклоре миро-созерцанием народа, «растворил» «Песню...» в «сокровенной глубине народного творчества». Что же касается тезиса: «Песня...», наряду с «Казначейшей», «Героем нашего времени», «Казачьей колыбельной песней», «Валериком», знаменовала уход Лермонтова от наскучившего ему языка романтизма – «несвязного, оглушающего» (Дурылин, 1916, с. 38, 75), – увы, он никак не подтверждается самой творческой биографией поэта.

В книге А. Н. Соколова (1955), справедливо пользующегося репутацией одного из глубоких знатоков творчества Лермонтова, сказано о «Песне...» в контексте художественных задач, решаемых литературой в конце 1830-х гг. – ученый видел в ней «гениальное разрешение» вопроса о «поэме в народном духе». Он рассматривал «Песню...» «в качестве завершения долголетней традиции “русской эпопеи”» (Соколов, 1955, с. 265); на этапе наметившейся деградации романтической поэмы в ее массовой версии появляется «русская эпопея», проникнутая духом и стилем народной поэзии. «Песня...» интересна темой героизма; она связана не с представителями привилегированных верхов, а с образом «смелого купца» Калашникова, «имя которого по социальной иерархии стоит в заглавии поэмы последним» (Соколов, 1955, с. 462). В нем Лермонтов создал «характер, близкий по своим качествам к герою русского народного эпоса», какого «не хватало поэме в народном стиле» (Соколов, 1955, с. 479). В книге неоднократно к тексту Лермонтова применяется жанр поэмы, зато его заглавие приводится без изменений.

Риторическую манеру С. Н. Дурылина продолжил Г. Абрамович: «А какой диапазон в изображении прекрасного в “обыкновенных”, как их называют, людях! <...> люди несгибаемой воли, высокого человеческого достоинства, широкого великодушия – такие, как Степан Парамонович Калашников <...> Живой интерес проявляет Лермонтов к “древним российским стихотворениям”, собранным Киршей Даниловым... и сам пишет ряд произведений, которые берут истоки в русском народном творчестве» (1964, с. 47); Лермонтова «привлекали люди-борцы, не склоняющие головы ни перед какой опасностью, ни перед какой силой – даже перед самой смертью» (Абрамович, 1964, с. 67). В образе Степана Парамоновича Калашникова ученому виделось «воплощение высоких черт русского национального характера» (Абрамович, 1964, с. 47, 67).

Представленный обзор будет неполным, если не обратиться к трудам крупного литературоведа Б. М. Эйхенбаума (1924; 1961).

«Песню...», а заодно и стихотворения «Бородино», «Казачья колыбельная песня» и «Соседка» он считал «симптоматичными», если рассматривать их в контексте истории русской поэзии, – «как показатель охлаждения к чисто-литературной лирике» и «традиционной поэме». По мысли ученого, «Песня...» не является «чистой» поэмой, в ней заметно «использование исторической песни». В сравнении с «Боярином Оршей» (неудавшейся «исторической поэмой»), где «национально-исторический материал оказался просто приделанным к традиционной байронической поэме», «Песня...» подтвердила, «с одной стороны, влечение Лермонтова к сюжетным формам, а с другой – его разочарование в своих юношеских стихах, чем каким-либо серьезным и открывающим собой новые пути событием» (Эйхенбаум, 1924, с. 119). Мысль важная, хотя спорная. Ученый рассматривал «Песню...» как явление случайное; она не открывала «новые пути» в творчестве Лермонтова.

В более позднем труде Б. М. Эйхенбаум выразил солидарность с Белинским, оценившим «Песню...» в одном ряду с «Бородином», «Думой», а также с поэмой «Демон»: «Лермонтову было важно и интересно найти опору для волнующей его темы в народном творчестве, в народном представлении об Иване Грозном». Подтверждается это тем, что «Песня...» ставит важную «для последних лет жизни и творчества Лермонтова» проблему «борьбы за моральные ценности» (Эйхенбаум, 1961, с. 358). Б. М. Эйхенбаум усилил мысль, ранее им высказанную, об «органическом сочетании» в «Песне...» «исторического сюжета с фольклором»; «итогом оказался жанр народной исторической песни» (Эйхенбаум, 1961, с. 91, 358). Отметим редкий случай, когда в литературоведении XX века заглавие текста дается в следующем виде: «Песня про царя Ивана Васильевича», но нет ни одного случая популярного наименования: «Песня про купца Калашникова». Работы Б. М. Эйхенбаума подвели своего рода черту в изучении текста Лермонтова. Наблюдения, сделанные ученым, чуть ли не целиком вошли в статью о «Песне...» в «Лермонтовской энциклопедии» (1981).

Интерпретационные стратегии «Песни...» в XX – начале XXI в.

В XX в. «Песня...» обстоятельно исследовалась со стороны ее связи с фольклором. Ряд ученых достиг серьезных результатов в этой области. М. Азадовский считал «Песню...» «наиболее характерной для фольклоризма Лермонтова» (1941, с. 251), но указал на то, что в народном творчестве все же трудно найти ее сюжетный прототип. Ученый отнес ее к явлению «синтетической поэмы», где «слиты разнообразнейшие элементы фольклора» (Азадовский, 1941, с. 251). Она, по наблюдениям ученого, несла в себе отзвук исторических песен о Грозном, с одной стороны, а с другой – «разбойничьей» лирики. Выразителем «бесшабашной удалы», «своеволия, окрашенного сильной страстью», показан Кирибеевич; образ же Калашникова отразил идею «протеста, борьбы за собственное достоинство» (Азадовский, 1941, с. 251). Исследователь вменил Лермонтову «возвеличивание» купца Калашникова и «развенчивание» Кирибеевича (Азадовский, 1941).

М. П. Штокмар изучил внушительное количество текстов фольклора, в итоге сделав вывод: «...материалы, которые были рассмотрены нами, с достаточным основанием могут быть названы источниками “Песни про купца Калашникова”» (1941, с. 279). А отдельно взятые параллели всегда требуют комментария и оговорок, «ограничивающих полноту сопоставления». Ученый убедительно показал, что найденные образцы народной поэзии, сходство ситуаций, мотивов «и даже оборотов речи» не допускают их «прямолинейного отождествления с соответствующим отрывком из “Песни” Лермонтова» (Штокмар, 1941, с. 280).

В сотворении смысловой модели «Песни...» заметно продвинулся выдающийся филолог В. Э. Вацуро (2008). Ученый, как правило, использовал полное название «Песни...» и только в редких случаях сокращал его до: «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Песня про... купца Калашникова». В. Э. Вацуро отметил моменты подчеркнутой, даже «сгущенной стилизованности» в «Песне...», охватившие ее общее композиционное построение и «внутреннее членение на три части» (2008, с. 120). «Песня...» наделена двумя стилевыми тенденциями: одна из них рассчитана на формирование ощущения «гиперфольклоризации», а другая – на «психологическую драматизацию» сюжета, что не совсем характерно для эпоса. Но это не психологизм в строго литературном значении; он близок к «балладному психологизму» (Вацуро, 2008, с. 120–121, 122).

Лермонтов воспроизвел фольклорный стиль, но сюжет и повествовательная поэтика строились у него на приемах авторской литературы. Видимая «субъективность повествования осуществляется формами и средствами, восходящими к фольклору, но сама по себе она не фольклорна», а является достижением «развитой письменной литературы» (Вацуро, 2008, с. 123). Поэт использовал в «Песне...» принципы «былинной поэтики», обогащая и усложняя их элементами других жанров фольклора, порой «противостоящих друг другу» (Вацуро, 2008, с. 123). Факт, позволяющий считать, что перед читателем «случай синтеза фольклорных мотивов», подчиненных авторскому художественному заданию, «не тождественному фольклорному источнику» (Вацуро, 2008, с. 124). Жанровая и стилистическая полифония, отмеченная литературоведом в «Песне...», является барьером – на тот случай, если делаются попытки монологизации ее художественной и этической проблематики. Целое «поэмы» базируется на нарративе автора, расставляющего «художественные акценты» и освещающего «все происшествие своим эмоциональным отношением» (Вацуро, 2008, с. 123–124, 129).

Лермонтов, на взгляд В. Э. Вацуро, реализовал «фольклорную этическую норму» – в соответствии с тем, как «она сказалась в былинном эпосе» (2008, с. 124). Исторические реалии поэмы носят в значительной мере внешний характер; действие «Песни» «развивается не в историческом, а в эпическом времени», а движение сюжета базируется на мотиве «народной памяти» (Вацуро, 2008, с. 125). «Песня про... купца Калашникова» – «опыт прямой стилизации русского фольклора»; в ней воспроизводится «народный взгляд на события и народный характер в его бытовых, психологических, этических основах. Такая задача во многом определяет функцию и оригинальность лермонтовской стилизации» (Вацуро, 2008, с. 129). И, наконец, знакомый нам по критике XIX века сюжет: «В “Песне про царя Ивана Васильевича...” обрисовались контуры своеобразного “почвенничества” Лермонтова. На основе устно-поэтического творчества он стремится воссоздать национальный характер и национальную специфику быта» (Вацуро, 2008, с. 124–126, 129, 436, 130). Ученый неоднократно апеллирует к Белинскому, к тому, с какой стороны критик осмыслил «Песню...». Как бы мимоходом брошенная мысль о «почвенничестве» Лермонтова освещает идеологическую установку литературоведа – примирить две линии в ее интерпретации, восходящие, с одной стороны, к Белинскому, с другой – к Шевыреву.

Д. С. Максимов (1964) выделял в романтизме Лермонтова поэмы с «образами высоких героев», среди которых особое место заняла «Песня...». О концепции произведения он судил через идею возмездия, которое

осуществляется «не одним лишь Калашниковым, <...> но и силою совести самого Кирибеевича» (Максимов, 1964, с. 60). Ученый присоединился к популярной мысли о том, что Лермонтов «с необыкновенным чутьем и художественным тактом воспроизвел приемы русского фольклора» (Максимов, 1964, с. 74). Ориентирами для него были «разбойничья поэзия и исторические песни об Иоанне Грозном» (Максимов, 1964, с. 75). Лермонтов проник «в атмосферу народной поэзии» и вместе с тем сумел «преодолеть то, что в этой поэзии было ограниченным, дополнить ее бытовым и психологическим материалом, не нарушая ее духа и стиля» (Максимов, 1964, с. 75). Литературовед считал, что «Песня» помогла поэту отойти от условности и декоративности его юношеских романтических произведений. В своей «песне-поэме» он приблизился к исторически правдивому, «расцвеченному всеми красками» эпохи изображению эпических характеров. Поэтому «Песню про купца Калашникова» он признает «важным продвижением Лермонтова на его пути к объективному миру и к объективной поэзии» (Максимов, 1964, с. 60, 74-75). Вывод ученого носил скрыто-poleмический оттенок. Тезис Б. М. Эйхенбаума: в творчестве Лермонтова «Песня...» не стала «открывающим новые пути событием» (1924, с. 119) встретился с антитезисом Д. С. Максимова: «Песню...» нужно признать в качестве указателя в движении Лермонтова «к объективному миру и к объективной поэзии» (1964, с. 75).

Весьма спорной была трактовка С. Ломинадзе (1985). Отталкиваясь от «главного противоречия» «Песни про купца Калашникова» («воля божия спасла Калашникова от Кирибеевича, но не спасла от царского гнева»), он включил произведение в различные литературные и исторические связи, в конечном итоге сближая проблематику «Песни...» с проблематикой пушкинского «Медного Всадника». Указал на «издержки» сопоставления «Песни...» со стихотворениями «Бородино», «Дума» по линии «богатырское прошлое» – «неудовлетворяющее настоящее» и предложил «более конкретно раскрыть содержательную сторону» произведения (Ломинадзе, 1985, с. 96).

Ученый видел в характере Калашникова сочетание «религиозного рвения во имя правого дела» с «религиозным смирением» (Ломинадзе, 1985, с. 156); в нем Лермонтов запечатлел тип русского человека, склонного к синтетическому выражению «смирения» и «страсти». Эта замечательная сторона характера, по мнению С. Ломинадзе, ускользнула от внимания исследователей. А между тем непосредственная связь «божьего суда» и стояния «за правду» единым проблемным узлом «стягивает такие значительные произведения, как “Песня про купца Калашникова” и “Когда волнуется желтеющая нива...”, “Молитва” и “Смерть поэта”, “Бородино” и “Ветка Палестины”» (Ломинадзе, 1985, с. 156). Таким образом, «Песня...» вписывалась в целостный контекст творчества Лермонтова, а не отдельных только произведений, как это обычно делалось ранее (Ломинадзе, 1985, с. 94, 96, 137).

У С. В. Ломинадзе явно ощущается склонность к «домысливанию» «Песни...», о которой иной раз говорится «предположительно» («поскольку прямого освещения затронутой сейчас проблематики нет в поэме»). Конечный вывод, полученный в процессе «вживания» в текст, насколько уникален, настолько же субъективен: Калашников «придал своему стоянию “на смерть” за “святую правду-матушку” официально-государственный смысл». Эта сюжетная деталь «поддерживается в поэме» коллизией, возникшей «из-за “позора” одной семьи», «затрагивает устои и интересы государства в целом». Стало быть, казнь Степана Парамоновича продиктована «государственной необходимостью» «обеспечить существование “святой Руси” в ее “статусе святого государства». Однако конфликт «общего» и «частного» только обозначен в «Песне...», он не получает того значения, какое получил в конфликте «общего» дела Петра с «частной» судьбой Евгения. «Различение “общего” и “частного” не оборачивается в поэме Лермонтова “постановкой проблемы”, что, естественно, потребовало бы и специального авторского внимания к последней» (Ломинадзе, 1985, с. 156, 164).

В. Гольштейн в статье, опубликованной в 1998 г., не согласился «ни с одним из выводов» С. Ломинадзе, но отметил ряд «его любопытнейших наблюдений» (1998, с. 944). Было сказано, что «Песня» «не должна восприниматься всего лишь» как «эксперимент в области фольклорной стилизации» (Гольштейн, 1998, с. 945). В заглавии «Песни...» он усмотрел иронию: «Очевидно, что настоящим ее героем является купец Калашников», но оно «представляет действующих лиц согласно земной иерархии» (Гольштейн, 1998, с. 947). Интерпретация В. Гольштейна сводилась к следующему: 1) центром каждой из трех частей «Песни...» является «словесный поединок»; ее автор обыгрывает фольклорный мотив, связанный с цифрой три; третье событие всегда отличается от предыдущего; 2) Калашников, скрыв правду от царя, лишает его «возможности принять справедливое решение»; он признается, что хотел убить опричника, «но отказывается назвать причину»; бунтарство героя («Скажу Богу единому») «звучит прямым вызовом по отношению к устоявшейся традиции сакрализации монарха». В действии Калашникова для читателя звучит вопрос: «Как сочетать исполнение долга по отношению к власти с защитой собственного достоинства?»; 3) для уяснения замысла произведения требуется учитывать «нравственный парадокс» самого Лермонтова; его герои часто защищают принципы, не всегда отвечающие общепринятым религиозным или нравственным нормам, но автор показывает своих бунтарей «не в триумфе победы, а в горечи поражения»; 4) проблематика «Песни...» имеет метафизические истоки, то есть восходит к гностицизму: «землей управляет злой, несправедливый демиург»; путь к спасению лежит через «внутреннее знание» (гнозис). Ученый отверг толкования казни Калашникова «в терминах некоего высшего блага» (Гольштейн, 2013, с. 943-967).

В. М. Маркович назвал прорывной статью В. Гольштейна, предложившего вариант «преодоления нормативных схем» о «Песне...»; основу его интерпретации определило «poleмическое отношение ко всем существующим взглядам на предмет исследования» (Маркович, 2013, с. 51).

В настоящее время интерес к «Песне...» только усилился. eLibrary.ru – крупнейшая в России электронная библиотека научных публикаций – предлагает большой список работ, разных по объему, но однородных по подходу к объекту исследования. По численности на первом месте – сочинения, написанные в русле

так называемой «религиозной филологии», в которых «Песня...» привязана к «христианским ценностям», «русскому духовному самосознанию», поединку чести и «Божьего суда», «вере православной», «нравственно-философским аспектам», «отражению библейских заповедей»; к разговору «о мужестве и чести», о «патриотическом воспитании», «проблемах семьи» и т. д. Статьи большей частью носят тезисный характер, тяготеют к публицистическому стилю, отражают положения с дополнениями, ставшие хрестоматийными.

В литературоведении новейшего времени серьезного внимания заслуживает статья А. И. Есаулова (2014), авторитетно «канонизировавшего» православное толкование «Песни...».

В «лермонтовской поэме», как считает литературовед, важнейшее место занимает вопрос о чести, которая «восстанавливается через богатырский поединок», восстанавливается «не по суду, а по совести» (Есаулов, 2014, с. 10). А. Е. Есаулов вписывает «Песню...» в категории религиозного мировоззрения. Купец Калашников в его толковании предстает как «нарушитель, преступник», поскольку он «переступил нормы Закона» (Есаулов, 2014, с. 11). Но переступает он «Закон» с позиции норм, «укорененных в русском народном сознании» – герой «поступает по совести», что и поднимает его «выше Закона» (Есаулов, 2014, с. 11). По мнению ученого, для Калашникова «не месть является побудительным действием», а реабилитация справедливости – в полном согласии «с русской православной традицией, как она бытует в народной среде» (Есаулов, 2014, с. 11). Преувеличенной кажется мысль, изложенная в заключительной части статьи: «грех» купца Калашникова в «Песне...» получает «авторское оправдание» – если и не «в категории Закона», то «в сфере Благодати»; Лермонтову приписывается идея «об особом сверхзаконном воздаянии», восходящая «к иерархии Нового и Ветхого Заветов»; поэт ведет речь о «справедливости» «более высокого порядка» (Есаулов, 2014, с. 12). Калашников скрывает от царя подлинные причины убийства своего противника, но «готов держать ответ перед Богом, перед Божиим Судом»; ведь «земной жизнью, по христианским представлениям, человеческое существование не заканчивается» (Есаулов, 2014, с. 12). Это дает основание «предположить Божью милость (прощение) – по отношению к Степану Парамоновичу (хотя и за пределами его земной жизни)» (Есаулов, 2014, с. 13). В «Песне...» филолог усматривает «своеобразный, хотя весьма своеобразный христоцентризм» (Есаулов, 2014, с. 13). Проводится параллель между Калашниковым и Христом: «казнь Христа также была “лютой”, “позорной”».

Тут можно сказать только то, что ученый в стремлении «приручить текст» Лермонтова впал в неразрешимое противоречие. Не углубляясь в вопрос специальным порядком, напомним об общеизвестном факте: православное христианство – это не только Писание. В нем не менее почитаемо и Предание – слово святых и богословов. У преподобного Иоанна есть рассказ о самообольщении человека перед смертью: «Никто из плачущих да не питает себя надеждою, что при исходе своем получит удостоверение. <...> Где Дух Господень, там узы разрешены, где несравненное смирение, там узы также разрешены. А в ком нет сих двух удостоверений, те пусть не обольщают себя; они – еще связаны» (Иоанн Лествичник..., 1851, Слово 5, стб. 34). Калашников с его амбивалентностью (смирение и бунт) еще «связан» и вряд ли с оптимизмом может помышлять о своей загробной участи.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В критике XIX века обрисовались основные линии инверсионного, то есть не всегда адекватного тексту, восприятия и толкования «Песни...». Произведение Лермонтова, за редким исключением, противопоставлялось его «субъективным» стихотворениям. Происходила своего рода атомизация текста – «ломка» словесного художественного целого, начиная с его заглавия, на сегменты. Актуализация семантики той или иной части целого находилась в подчинении идеологической и эстетической установки критика. Как правило, выделялся образ Калашникова, давались гипертрофированные его интерпретации на грани «мифа», что со всей очевидностью проявилось в приеме «экспликации», которым воспользовался Достоевский.

«Песня...» освещалась в трудах историков литературы в нескольких аспектах:

- 1) изучались ее разносторонние связи с фольклором, послужившим для Лермонтова источником вдохновения и индикатором моральной оценки героев;
- 2) продолжались вариации в отношении заглавного текста, но все сильнее звучал «канон», связанный с фигурой Степана Парамоновича: «Песня про купца Калашникова»;
- 3) в круг наблюдений входили в основном жанрово-стилевые свойства – к «Песне...» пристраиваются, помимо традиционных («стихотворение», «поэма»), характеристики типа «историческая поэма», «историческая песня», «поэма в народном духе» и т. д.;
- 4) риторизм, присущий некоторым интерпретаторам, условно можно назвать официальным «тоном» или «мифом», не допускающим диалога.

Именно в таком формате «Песня...» вошла в школьную и вузовскую практику, а сложные, строго научные ее характеристики остались невостребованными. Образовался своего рода круг – Г. Абрамович (1964) без оговорок возвратил толкование «Песни...» в пределы, предложенные Шевыревым (1841).

Еще в XIX в. родилась концепция «двух Лермонтовых». Белинский (1954), высказавшись благосклонно о «Песне...», тут же перешел к анализу «Думы» – стихотворения с «субъективным» элементом. Ни «Песня...», ни «Бородино», ни другие тексты «примирительного» толка не могли подорвать его веру в единство личности поэта. Но его оппоненты, назвавшие «Думу» «траурной» (Шевырев, 1841), настаивали на идее раздвоенности Лермонтова; в их восприятии одна ипостась поэта тяготела к правде народа, православному мировосприятию, а другая – к демоническому отрицанию. И проблема, по их мысли, была в том, чтобы «Лермонтов-

почвенник» вытеснил «Лермонтова-байрониста». Так возникла «общая идея» вектора творчества Лермонтова, имеющая сторонников даже в современном литературоведении: поэтическая судьба классика осмысливалась через призму «преодоления» «демонизма», «байронического» начала и приобщения к «правде народа» и православному мировосприятию.

Во второй половине XX и в начале XXI века оформились два основных подхода к «Песне...». Первый условно можно назвать «объективным»; часть ученых стремилась осмыслить художественную установку автора; во втором бросается в глаза «субъективистское» толкование; именно здесь наблюдается тенденция к «мифологизации» создания классика. Происходило то, что в социальных дисциплинах называется иммерсивностью (Слободнюк, 2022, с. 763). Сложная архитектура «Песни...» подвергалась смысловым деформациям, в иных случаях вплоть до «модернизации» авторской установки. Параллельно наметился отказ от чрезмерного увлечения исследованием генезиса «Песни...». Внимание переместилось на функцию фольклорных элементов в ней, а также к ее проблематике. Конфликт интерпретаций на этом этапе коснулся не только образов героев (кто, Калашников или Кирибеевич, выступает в «Песне...» в роли протагониста?), но и ее художественной концепции, «порабощенной» некоторым «приумножением» и «приростом» смысла.

В качестве перспективы заявленной темы можно обозначить дальнейшее изучение жанрового своеобразия «Песни...», детальное исследование ее внутренней композиции (строфика, стилистика) с установкой на выявления авторского слова.

Материалы исследования | Research materials

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 4. Статьи и рецензии. 1840-1841.
2. Бурачок С. Стихотворения М. Лермонтова (Письмо к автору) // Маяк. 1840. Ч. 12. Библиотека избранных сочинений.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26.
4. Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. М.: Типография В. Готье, 1851.
5. Лермонтов М. Ю. Поэмы. 1628-1841 // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Пушкинский дом, 2014. Т. 2.
6. Лермонтов М. Ю.: pro et contra. Антология / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой и др. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013. Т. 1.
7. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981.
8. Шевырев С. П. Стихотворения М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. № 4. Ч. 2. Критика и библиография.

Источники | References

1. Абрамович Г. Трагедийная тема в творчестве Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения. 1814-1964: сборник статей. М.: Наука, 1964.
2. Азадовский М. К. Фольклоризм Лермонтова // Литературное наследство. 1941. Т. 43/44. Кн. I.
3. Андреевский С. А. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013. Т. 1.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1979.
5. Вацура В. Э. О Лермонтове: работы разных лет. М.: Новое издательство, 2008.
6. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество: монография // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.: Типография В. Ф. Рихтера, 1891. Т. 6.
7. Гольштейн В. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»: проблема героизма // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013.
8. Григорьев Ап. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980.
9. Дурьин С. Н. Лермонтов. М.: Молодая гвардия, 1944.
10. Дурьин С. Н. Россия и Лермонтов (К изучению религиозных истоков русской поэзии) // Христианская мысль. 1916. Кн. 3 (март).
11. Есаулов А. И. Категории Закона и Благодати в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12.
12. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла: литература и государственная идеология в России XIX – начала XXI века. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
13. Ломинадзе С. В. Поэтический мир Лермонтова. М.: Современник, 1985.
14. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александрия, 1992.
15. Максимов Д. С. Поэзия Лермонтова. М.: Советский писатель, 1964.
16. Маркович В. М. Лермонтов и его интерпретаторы // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013. Т. 1.

17. Межевич В. С. Стихотворения М. Лермонтова (Письмо к Ф. В. Булгарину) // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013. Т. 1.
18. Овсянко-Куликовский Д. Н. М. Ю. Лермонтов. К столетию со дня рождения великого поэта. СПб.: Прометей, 1914.
19. Плаксин В. Т. Сочинения Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013. Т. 1.
20. Розанов В. В. Мысли. М.: Современник, 1989.
21. Розен Е. Ф. Стихотворения М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология / сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013. Т. 1.
22. Сакулин П. С. Земля и небо в поэзии Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову: юбилейный сборник. М. – Пг.: Изд-во «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914.
23. Слободянюк Н. Л. Мифологизация художественного текста в социально-информационном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2022. Т. 27. № 4.
24. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1955.
25. Штокмар М. П. Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова // Литературное наследство. 1941. Т. 43/44. Кн. I.
26. Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. М. – Л.: Наука, 1961.
27. Эйхенбаум Б. М. Лермонтов: опыт историко-литературной оценки. Л.: Государственное литературное издательство, 1924.

Информация об авторах | Author information

Мехтиев Вургун Георгиевич¹, д. филол. н., проф.

¹ Институт русского языка Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, Китайская Народная Республика

Vurgun Georgiyevich Mekhtiyev¹, Dr

¹ Institute of Russian Language, Heilongjiang University, Harbin, The People's Republic of China

¹ mextiev@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.01.2026; опубликовано online (published online): .

Ключевые слова (keywords): произведение «Песня...» М. Ю. Лермонтова; заглавие «Песни...»; жанровые дефиниции «Песни...»; проблематика «Песни...»; рецепция и интерпретация «Песни...»; M. Yu. Lermontov's "The Song..."; title of "The Song..."; genre definitions of "The Song..."; problems of "The Song..."; reception and interpretation of "The Song...".